

на правах рукописи

Чикин Денис Сергеевич

СЛОЖНЫЕ ЕДИНИЧНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации
и законодательного конструирования)

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2013

Диссертация выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
Коняхин Владимир Павлович

Официальные оппоненты: **Яни Павел Сергеевич**
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Гринь Максим Валентинович
кандидат юридических наук, доцент,
проректор по заочному обучению ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Ведущая организация: **ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»**

Защита состоится «19» декабря 2013 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 при ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» по адресу: по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» и на сайте: www.kubsau.ru.

Автореферат разослан «__» ноября 2013 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Осуществляя деятельность по применению уголовно-правовых норм, органы предварительного расследования и суд нередко сталкиваются с проблемами квалификации сложных единичных преступлений. Такие преступления могут совершаться несколькими взаимосвязанными деяниями либо одним деянием, непрерывно длящимся в течение определенного времени или посягающим на несколько объектов уголовно-правовой охраны, предметов, потерпевших, что порождает значительное их сходство с совокупностью преступных деяний и, как следствие, потребность в их разграничении.

Однако, как показывает практика, разграничение сложных единичных преступлений с множественностью преступных деяний сопровождается значительным числом квалификационных ошибок, о чем наглядно свидетельствует опубликованная практика Верховного Суда Российской Федерации. Высшая судебная инстанция вынуждена регулярно исправлять ошибки, связанные с необоснованной квалификацией нескольких преступлений в качестве единичного преступного деяния, а равно просчеты обратного порядка, когда сложное единичное преступление ошибочно признается совокупностью преступлений. Немало ошибок допускается правоприменительными органами и при определении момента окончания отдельных видов сложных единичных преступлений (в особенности, это касается продолжаемых и длящихся преступлений), установлении времени их совершения.

Между тем, подобные правоприменительные ошибки влекут за собой крайне неблагоприятные юридические и социальные последствия. Как отмечается в уголовно-правовой литературе, «правовая оценка и квалификация содеянного как совокупности преступлений в тех случаях, когда имеет место лишь одно преступление, и наоборот, квалификация нескольких преступлений как единого общественно опасного деяния ведут к серьезным нарушениям ... законности, неблагоприятно сказываются на борьбе с преступностью в целом, на

судьбе осужденных и их близких, искажают реальную картину состояния преступности и т.п.». ¹

Как показало проведенное нами исследование, ошибки, допускаемые при уголовно-правовой оценке сложных единичных преступлений, детерминированы целым рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, предпосылки для них заложены самим законодателем, который не регламентировал виды сложных единичных преступлений и правила их квалификации в уголовном законе. Кроме того, конструируя сложные составы преступлений, законодатель нередко игнорирует правила юридической техники, порождая правовую неопределенность относительно объема преступных деяний, которые охватываются сложным составом и могут быть квалифицированы как единичное преступление. Во-вторых, правоприменительные ошибки при уголовно-правовой оценке сложных единичных преступлений предопределены неоднозначной позицией Верховного Суда Российской Федерации, который иногда формулирует диаметрально противоположные рекомендации по квалификации сложных единичных преступлений одного вида, а в отдельных случаях предписывает такие правила их квалификации, которые вступают в противоречие с уголовным законом. В-третьих, они связаны с отсутствием непротиворечивых рекомендаций по квалификации сложных единичных преступлений в теории уголовного права, что дезориентирует правоприменительную практику.

На этом фоне диссертационное исследование, нацеленное на разработку правил квалификации сложных единичных преступлений и предложений по их нормативной регламентации, а также рекомендаций по законодательному конструированию сложных составов преступлений, представляет повышенную актуальность и приобретает особую значимость.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучением сложных единичных преступлений занимались такие ученые, как Галиакбаров Р.Р., Гринь М.В., Гулиева Н.Б., Дёмин В.Ф., Зинченко И.А., Калинина Т.А., Коз-

¹ Малков В.Н. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). – Казань, 1974. – С. 3.

лов А.П., Красиков Ю.А., Криволапов Г.Г., Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Куличенко Н.Н., Малков В.П., Наумов А.В., Ораздурдыев А.М., Питецкий В.В., Рарог А.И., Романюк С.Н., Черненко Т.Г., Яковлев А.М., Яни П.С. и др. Указанные авторы внесли значительный вклад в формирование теоретической основы учения о сложных единичных преступлениях. Вместе с тем, приходится констатировать, что в имеющихся научных публикациях остается окончательно не решенным целый комплекс объективно непростых проблем, связанных с пониманием юридической и социально-криминологической природы сложных единичных преступлений, их видовой классификацией, уголовно-правовой характеристикой и квалификацией, а некоторые важнейшие вопросы (например, предпосылки и критерии конструирования сложных составов, выступающих в качестве юридической основы отдельных видов сложных единичных преступлений) вообще оказались за рамками специальных исследований. Для восполнения этих пробелов необходимо проведение специального диссертационного исследования.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разрешение теоретических и прикладных проблем, связанных с установлением и применением уголовной ответственности за сложные единичные преступления, а также разработка научно обоснованных правил их квалификации и предложений по их нормативной регламентации.

Необходимость достижения указанной цели обусловила постановку и решение следующих основных **задач**:

- на основе исследования социально-юридической природы единичных преступлений выявить критерии единства преступления;
- проанализировать признаки сложного единичного преступления и сформулировать его определение;
- разработать видовую классификацию сложных единичных преступлений;
- представить детальную уголовно-правовую характеристику отдельных видов сложных единичных преступлений, уточнить их признаки;

- определить предпосылки и критерии конструирования сложных составов, выступающих в качестве юридической основы ряда сложных единичных преступлений, выявить недостатки и просчеты, допущенные при конструировании соответствующих сложных составов в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), и сформулировать научно обоснованные рекомендации по их устранению;
- исследовать дискуссионные проблемы квалификации сложных единичных преступлений;
- разработать проект уголовно-правовой нормы, регламентирующей правила отграничения сложных единичных преступлений от множественности преступных деяний.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с установлением и применением уголовной ответственности за сложные единичные преступления.

Предметом диссертационного исследования являются сложные единичные преступления; сложные составы, выступающие в качестве юридической основы ряда сложных единичных преступлений; доктринальные, судебные и законодательные правила квалификации сложных единичных преступлений; практика применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за сложные единичные преступления.

В качестве **нормативной базы диссертационного исследования** выступают Конституция России, решения Конституционного Суда Российской Федерации, УК РФ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена: результатами проведенного в 2010-2013 гг. обобщения материалов более 200 уголовных дел, рассмотренных судами 48 субъектов Российской Федерации; опубликованной практикой Верховного Суда Российской Федерации, относящейся к теме исследования; данными опроса 148 экспертов (из них 26 федеральных су-

дей, 40 мировых судей, 57 следователей органов внутренних дел Российской Федерации, 25 следователей Следственного комитета Российской Федерации), проведенного в 2012-2013 г. на территории 5 субъектов Российской Федерации (Москва, Республика Адыгея, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область). При подготовке диссертации также использовались результаты исследований, проводимых другими авторами.

В качестве **теоретической основы диссертационного исследования** выступили основные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, истории государства и права, философии права, криминологии, международного, конституционного, уголовно-процессуального, административного права, социологии. Среди публикаций, непосредственно относящихся к теме диссертационного исследования, необходимо выделить: научные работы по квалификации преступлений (Корнеева А.В., Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Наумов А.В., Рарог А.И., Семернёва Н.К.); труды по множественности преступных деяний, в которых исследованы вопросы ее отграничения от сложных единичных преступлений (Агаев И.Б. Васильева Е.Г., Галиакбаров Р.Р., Караев Т.Э., Красиков Ю.А., Криволапов Г.Г., Малков В.П., Петухов Р.Б., Санинский Р.А., Становский М.Н., Ткешелиадзе Г.Т., Черненко Т.Г., Фролов Е.А., Шмелёв В.Ф., Яковлев А.М.); произведения, посвященные сложным единичным преступлениям в целом (Дёмин В.Ф., Калинина Т.А., Козлов А.П., Куличенко Н.Н., Романюк С.Н.); сочинения, предметом которых выступили отдельные разновидности сложных единичных преступлений (Гулиева Н.Б., Зинченко И.А., Кривошеин П.К., Лопашенко Н.А., Ораздурдыев А.М., Питецкий В.В., Щепельков В.Ф., Яни П.С.).

Методологической основой диссертационного исследования является общенаучный диалектический метод, а также ряд частнонаучных методов: формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, социологический.

Научная новизна диссертации определяется кругом рассматриваемых в ней вопросов, многие из которых длительное время находились за рамками уго-

ловно-правовых исследований, а также содержанием предложенных подходов к их решению.

В работе определены критерии единства преступления; выявлена сущность сложных единичных преступлений и сформулировано их авторское определение; разработана видовая классификация сложных единичных преступлений, основанная на особенностях их законодательного отражения; представлена уточненная уголовно-правовая характеристика конкретных сложных единичных преступлений; обоснована необходимость корректировки отдельных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по вопросам их квалификации; выявлены некоторые просчеты, допущенные при законодательном конструировании сложных составов, выступающих в качестве юридической основы ряда сложных единичных преступлений, и определены пути их устранения; в порядке *de lege ferenda* сформулированы предложения по нормативной регламентации сложных единичных преступлений и правил их квалификации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Единство преступления определяется с учетом трех взаимосвязанных критериев: в качестве *формально-юридического* критерия выступает единый состав преступления; *содержательным* критерием единичного преступления является внутренняя взаимосвязь его элементов, которая имеет функциональные, причинно-следственные и субъективные проявления; в основе конструирования составов единичных преступлений находится *социально-криминологический* критерий – распространенность, типичность, устойчивость содержательного (внутреннего) единства преступления. Правоприменительные органы, квалифицируя единичные преступления, должны руководствоваться содержательным и формально-юридическим критериями, законодатель, конструируя составы единичных преступлений, должен принимать во внимание содержательный и социально-криминологический критерии; предметом же изучения науки уголовного права являются совокупность всех названных критериев.

2. Оценивать сложность единичного преступления необходимо не через призму многомерности его состава, а с точки зрения внешнего сходства

с множественностью преступных деяний. Исходя из этого, сложным единичным предлагается считать преступление, имеющее внешнее сходство с множественностью преступлений, признаки которого охватываются одним составом преступления (сложным или простым). В основу классификации сложных единичных преступлений должно быть положено различие в их законодательном отражении, с учетом которого предлагается выделять:

1) единичные преступления со сложными характеристиками, не зависящими от конструкции состава преступления (его простоты или сложности). К ним относятся: а) продолжаемое преступление; б) длящееся преступление; в) преступление, переросшее из другого преступления;

2) единичные преступления со сложными составами. К ним необходимо отнести: а) преступление с альтернативными признаками состава; б) составное преступление; в) преступление, состав которого предусматривает повторные действия.

3. Традиционный подход, согласно которому продолжаемое преступление является оконченным с момента совершения последнего из ряда тождественных деяний, охватываемых умыслом виновного, не соответствует потребностям правоприменительной практики. Во-первых, он не проводит разграничения между моментами фактического и юридического окончания продолжаемого преступления, которые могут не совпадать, а во-вторых, не учитывает возможность совершения продолжаемого преступления с относительно-определенной целью, когда виновный не имеет четкого представления о количественных параметрах преступного результата, к которому он стремится. Исходя из этого, сформулированы рекомендации по установлению момента юридического окончания продолжаемого преступления в зависимости от степени конкретизации его цели и ее уголовно-правового значения (приводятся в тексте диссертации и автореферата).

4. Выработанные в судебной практике признаки длящегося преступления и правила его квалификации требует существенного уточнения. В определении длящегося преступления необходимо: а) отразить непрерывность осу-

ществления состава *юридически оконченого* преступления, что позволит четко разграничить момент юридического и фактического окончания длящегося преступления; б) отказаться от признака «сопряженность с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования», так как длящиеся преступления могут совершаться не только путем преступного бездействия, но и посредством активных действий; в) признать возможность совершения длящегося преступления несколькими непрерывно осуществляемыми взаимосвязанными деяниями. При этом момент фактического окончания длящегося преступления нельзя автоматически приравнивать к моменту задержания виновного, поскольку он может продолжить осуществление длящегося действия (бездействия) даже в местах лишения свободы.

5. Самостоятельной разновидностью сложного единичного преступления следует признать преступление, которое в результате изменения умысла виновного переросло в другое, более общественно опасное преступное деяние. Содеянное подлежит квалификации по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за более общественно опасное преступление, при условии, что первоначальное и последующее преступные деяния предусмотрены одной главой Особенной части УК РФ, а также посягают на один предмет и (или) потерпевшего.

6. Конструирование составов преступлений с альтернативными признаками целесообразно в случаях, когда посягательство на определенный объект уголовно-правовой охраны может быть совершено: а) посредством воздействия на нескольких потерпевших, обладающих однородными признаками либо имеющих тесную связь между собой; б) посредством воздействия на предметы, выполняющие сходные функции; в) несколькими, как правило, взаимосвязанными деяниями, существенно не отличающимися по степени общественной опасности; г) несколькими способами, сходными по воздействию на предмет уголовно-правовой охраны или потерпевшего; д) посредством причинения нескольких одинаково возможных последствий, сходных по своей общественной опасности.

Законодатель нередко игнорирует указанные критерии, что приводит к необоснованной совокупной квалификации тесно взаимосвязанных деяний, обладающих равной общественной опасностью.

7. Практику квалификации составных преступлений деформируют отдельные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые противоречат теории квалификации и уголовному закону, а также искажают сущность составных преступлений (в частности, разъяснения о совокупной квалификации убийства, сопряженного с другими преступлениями; разъяснение о квалификации нескольких убийств, совершенных с различным умыслом, как единичного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Исходя из этого, предлагается, во-первых, скорректировать позицию высшей судебной инстанции по вопросам квалификации составных преступлений, а, во-вторых, регламентировать признаки составных преступлений в уголовном законе, ограничив стремление Верховного Суда Российской Федерации к их расширительному толкованию.

8. Возврат к практике конструирования в УК РФ составов преступлений с административной преюдицией представляется необоснованным. Подобная практика, во-первых, нарушает принцип «non bis in idem»; во-вторых, размывает границы между преступлением и административным правонарушением; в-третьих, подрывает уголовно-процессуальные гарантии, в соответствии с которыми лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только в судебном порядке; в-четвертых, не соответствует критериям единства преступного деяния, позволяя признать единичным преступлением механическую совокупность административных правонарушений, не обладающих внутренней взаимосвязью.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы вносят вклад в решение проблем установления и применения уголовной ответственности за сложные единичные преступления. Проведенное исследование позволило сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части, касающейся-

ся регламентации сложных единичных преступлений и правил их квалификации, которые можно рассматривать в качестве теоретической основы для дальнейшего реформирования уголовного законодательства.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы: в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства России; в правоприменительной практике при уголовно-правовой оценке сложных единичных преступлений; в научно-исследовательской работе при дальнейшей разработке проблем, связанных с квалификацией сложных единичных преступлений и законодательным конструированием сложных составов; в учебном процессе при преподавании дисциплины «Уголовное право» и связанных с ней спецкурсов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации 4 из которых отражены в 8 научных публикациях. Автор принимал участие в работе 5 международных научно-практических конференциях («Право и правосудие: теория, история, практика», г. Краснодар, 30 ноября 2010 г., «Экология и уголовное право: поиск гармонии», г. Геленджик, 6-9 октября 2011 г., «Современные проблемы уголовной политики» (Краснодарский университет МВД России, 28 сентября 2012 г. и 27 сентября 2013 г., «Правовая система России: традиции и модернизация: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования юридического факультета КубГУ, Краснодар, 2013 г., на выездном заседании секции уголовно-го права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных заведений Российской Федерации (Н.Новгород, 11-14 сентября 2013 г.),
..... Результаты проведенного исследования внедрены: **в деятельность**; в учебный процесс ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет».

Структура диссертации predetermined целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, библиографии и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, рассматривается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава диссертации – **«Теоретические основы исследования сложных единичных преступлений»** – состоит из трех параграфов. В первом из них рассматривается **социально-правовая природа единичных преступлений**. В теории уголовного права представлено несколько подходов к определению единичного преступления. В основу первого из них положен *формально-юридический критерий*, согласно которому единичным преступлением следует считать деяние, которое содержит признаки одного состава преступления. Однако только на его основании получить полное представление о единичном преступлении невозможно. Во-первых, он не дает возможности разграничить некоторые единичные преступления (например, продолжаемые и делящиеся) от их множественности. Во-вторых, этот критерий не позволяет понять, в чем заключается содержательное, сущностное единство преступления. В-третьих, одним составом преступления может охватываться не только единичное преступление, но и их множественность (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134 УК РФ).

Исходя из этого, более предпочтительным представляется второй подход к определению единичного преступления, который характеризует его как с *формально-юридических*, так и *содержательных* позиций. Однако сторонники этого подхода демонстрируют существенные расхождения по вопросу о содержательных критериях единичного преступления. По мнению диссертанта, ни единство объекта, ни единство деяния (последствия), ни единство вины не могут считаться признаками, свойственными всем без исключения единичным преступлениям. Универсальным содержательным признаком единичного преступления является только внутренняя взаимосвязь между его элементами, которая

определяется совокупностью трех видов связей: а) функциональная связь, которая объединяет как отдельные телодвижения, составляющие одно преступное деяние, так и несколько различных преступных действий (актов бездействия), выступающих в качестве этапа, способа или средства для достижения преступного результата; б) причинно-следственная связь, которая придает внутреннее единство преступлению, повлекшему несколько общественно опасных последствий; в) субъективная связь, которая, по общему правилу, определяется единством вины, а в умышленных единичных преступлениях – на основании единства мотива и цели совершения деяний, образующих преступление.

Содержательный и формально-юридический критерии единства преступления совпадают не полностью. В одном случае совершенные лицом преступные деяния, обладающие внутренней взаимосвязью, охватываются одним составом преступления, а в другом – не укладываются в его рамки. Понять причины такого несовпадения позволяет третий подход к сущности единичного преступления, базирующийся на *социально-криминологических критериях*, положенных в основу конструирования составов единичных преступлений. В качестве таковых выступают распространенность, типичность, устойчивость общественно опасного деяния (их системы), при наличии которых возникают предпосылки для законодательного обособления соответствующего деяния (системы деяний) в рамках одного состава преступления.

Таким образом, единичное преступление характеризуется совокупностью формально-юридического, содержательного и социально-криминологического критериев. Отражая различные аспекты познания единичных преступлений, указанные критерии имеют не только теоретическое, но и непосредственное прикладное значение. Так, правоприменительные органы, решая задачу отграничения единичных преступлений от их множественности, должны руководствоваться содержательным и формально-юридическим критериями. Законодатель, конструируя составы единичных преступлений, должен принимать во внимание содержательный и социально-криминологический критерии. Предметом же изучения науки уголовного права является совокупность

всех указанных критериев, поскольку иначе добиться всестороннего понимания социально-юридической сущности единичного преступления невозможно.

Во втором параграфе первой главы диссертации исследуются **понятие и виды сложных единичных преступлений**. Единичные преступления принято подразделять на простые и сложные; при этом в науке доминирует точка зрения, согласно которой критерием такой классификации является законодательная конструкция состава. В соответствии с этим подходом, простым единичным преступлением предлагается считать одно деяние, посягающее на один объект, повлекшее одно последствие (в преступлениях с материальным составом), совершенное с одной формой вины, а к сложным единичным преступлениям отнести преступления, «элементы состава которых не являются одномерными».

Однако при таком подходе к сложным единичным преступлениям нельзя отнести многие преступления, которые, несмотря на простоту (одномерность) признаков состава, представляют значительную сложность для квалификации (например, продолжаемая кража). Имеются и примеры обратного порядка, когда по законодательной конструкции состав преступления является сложным, а фактически совершенное деяние в реальной действительности является простым (например, лицо совершило только одно из деяний, альтернативно перечисленных в диспозиции статьи). Это доказывает, что сложность единичного преступления кроется не в его составе (многомерности его признаков), а в самом этом преступлении как реально существующем явлении.

По мнению автора, сложность единичного преступления определяется наличием у него внешнего сходства с множественностью преступлений; именно оно делает его сложным, затрудняет его квалификацию, порождая потребность в отграничении от множественности преступлений. Исходя из этого, сложным единичным предлагается считать преступление, имеющее внешнее сходство с множественностью преступлений (совершенное несколькими деяниями; одним деянием, посягающим на несколько объектов уголовно-правовой охраны, предметов или потерпевших, либо повлекшим несколько общественно опасных последствий; одним непрерывным в течение определенного времени деянием),

признаки которого охватываются одним составом преступления (сложным или простым).

Сложные единичные преступления весьма разнообразны, что предопределяет постановку вопроса об их классификации. По этому вопросу в уголовно-правовой литературе представлен широчайший спектр несовпадающих точек зрения, отличающихся как количеством (от двух до девяти), так и номенклатурой видов сложного единичного преступления. Признавая познавательную ценность всех существующих вариантов классификации, диссертант отмечает, что многие из них весьма уязвимы для критики: в некоторых из них фигурируют преступления, которые нельзя считать сложными из-за отсутствия сходства с множественностью преступлений (например, преступления с двумя действиями, одно из которых является непроступным); выделенные виды сложных единичных преступлений нередко дублируют друг друга (например, преступления с дополнительными тяжкими последствиями и преступления с двумя формами вины являются разновидностью составных преступлений, в связи с чем их выделение нецелесообразно); допускается неоправданное отождествление сложных единичных преступлений со сложными составами преступлений.

При классификации сложных единичных преступлений следует учитывать, что их сложный характер далеко не во всех случаях получает законодательное отражение в сложном составе, а в ряде случаев вовсе не зависит от конструкции состава. Показательными в этом плане являются продолжаемые и длящиеся преступления, сложность которых связана не с конструкцией их состава (он может быть простым), а с их внешними характеристиками, проявляющимися в реальной действительности. Иными словами, в основе единства подобных преступлений находится содержательный критерий, выражающийся во внутренней взаимосвязи его элементов.

В то же время, существует ряд сложных единичных преступлений, единство которых определяется не столько внутренней взаимосвязью их элементов, сколько конструкцией их составов, объединяющих признаки несколько преступных деяний и (или) последствий. Характерным примером являются состав-

ные преступления, которые признаются единичными именно потому, что законодатель объединил признаки нескольких преступных деяний в одном сложном составе преступления. Хотя в основе такого объединения находится внутреннее единство соответствующих деяний, а также их типичность, в подобных единичных преступлениях все же доминирует формально-юридический критерий единства – единый сложный состав, поскольку его законодательное «разделение» на несколько простых составов приводит к исчезновению сложного единичного преступления (вместо него образуется множественность преступных деяний).

Отмеченное различие может быть положено в основу классификации сложных единичных преступлений на две подгруппы:

1. Единичные преступления со сложными характеристиками, не зависящими от конструкции состава преступления (его простоты или сложности). К ним относятся: а) продолжаемое преступление; б) длящееся преступление; в) преступление, переросшее из другого преступления.

2. Единичные преступления со сложными составами. К ним необходимо отнести: а) преступление с альтернативными признаками состава; б) составное преступление; в) преступление, состав которого предусматривает повторные действия.

Вторая глава диссертации – «**Единичные преступления со сложными характеристиками, не зависящими от конструкции состава**» – состоит из трех параграфов. В первом из них рассматривается **продолжаемое** преступление. Определение продолжаемого преступления в уголовном законодательстве отсутствует; не регламентированы и правила его квалификации. Восполняют этот пробел постановления Пленума Верховного Суда, в которых сформулирована общая дефиниция продолжаемого преступления, а также определены признаки отдельных его видов (продолжаемого хищения, изнасилования, вымогательства и др.). Однако и они не решают всех объективно непростых вопросов, связанных с его пониманием и уголовно-правовой оценкой. В этой связи в работе проведен детальный анализ продолжаемого преступления, который позволил уточнить ряд его признаков:

- оно совершается только юридически тождественными взаимосвязанными деяниями, которые в целом можно рассматривать как определенную линию поведения виновного; объективным показателем такой взаимосвязи является направленность всех деяний на единый объект уголовно-правовой охраны (при этом предмет и (или) потерпевшие могут быть разными), а субъективным – единство умысла и общность цели;

- продолжаемое преступление совершается только с заранее возникшим (до совершения первого из неоднократных тождественных посягательств) прямым умыслом;

- общая цель в продолжаемом преступлении может быть как конкретизированной, так и относительно-определенной (например, стремление в течение длительного времени неоднократно тождественными действиями совершать хищение из одного источника при отсутствии четкого представления о размере имущества, которое удастся похитить). При этом оценка конкретности цели должна осуществляться не только с учетом субъективных представлений виновного, но и с точки зрения уголовного закона.

Специфика продолжаемого преступления накладывает отпечаток на момент его окончания. Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, продолжаемое преступление может считаться оконченным только после совершения последнего из деяний, запланированных виновным. Однако этот подход не соответствует потребностям правоприменительной практики. Во-первых, он не проводит разграничения между моментами фактического и юридического окончания продолжаемого преступления, которые могут не совпадать, а во-вторых, не учитывает возможность совершения продолжаемого преступления с относительно-определенной целью, когда виновный не имеет четкого представления о количественных параметрах преступного результата, к которому он стремится. Исходя из этого, сформулированы следующие рекомендации по установлению момента юридического окончания продолжаемого преступления в зависимости от степени конкретизации его цели и ее уголовно-правового значения.

1. Продолжаемое преступление с *относительно-определенной целью* должно признаваться юридически оконченным с момента совершения деяния, содержащего признаки состава преступления. Например, если завербованное иностранной разведкой лицо, допущенное к государственной тайне, преследует цель выдавать любую доступную ему секретную информацию, заранее не имея четкого представления об ее объемах и важности, продолжаемая государственная измена будет юридически оконченной с момента совершения первой выдачи государственной тайны.

2. Продолжаемое преступление с *конкретизированной целью, не имеющей уголовно-правового значения*, также должно признаваться юридически оконченным с момента, когда содеянное приобретет все признаки состава соответствующего преступления. Например, продолжаемое хищение оружия, целью которого является завладение 50 автоматами, следует считать юридически оконченным уже с момента хищения первого автомата, поскольку количество похищенного оружия согласно ст. 226 УК РФ не влияет на квалификацию.

3. Момент юридического окончания продолжаемого преступления, которое совершается с *конкретизированной целью, имеющей уголовно-правовое значение*, следует определять с учетом параметров этой цели:

а) если уголовно-правовое значение имеют *количественные параметры* цели – продолжаемое преступление необходимо считать юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение. Например, если виновный имеет цель в несколько заходов украсть 3 млн. рублей, то с точки зрения уголовного права это цель хищения в особо крупном размере; следовательно, продолжаемая кража, предусмотренная п. «в» ч. 4 ст. 158 УК РФ, будет юридически оконченной с момента, когда виновному удастся похитить более 1 млн. рублей;

б) если юридическое значение имеют *качественные параметры цели*, то продолжаемое преступление следует признавать юридически оконченным с момента достижения этой цели в качественно определенном объеме. Например,

если виновный хотел по частям похитить телевизор, то юридически оконченным продолжаемое хищение является только после похищения последней детали.

Второй параграф второй главы диссертации посвящен исследованию **длящегося преступления**. В российском уголовном законодательстве в плане регламентации длящегося преступления наблюдается пробел. Восполняет этот пробел Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, которое внесло весомый вклад в процесс теоретико-прикладного осмысления длящихся преступлений. Вместе с тем, позиция Пленума требует существенного уточнения.

Во-первых, в указанном Постановлении Пленума не нашли отражения некоторые признаки, которые являются весьма важными для уяснения сущности и специфики длящегося преступления. Так, указав, что длящиеся преступления «характеризуются непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния», Пленум не конкретизировал, о каком составе – неоконченном или оконченном – идет речь. Представляется, что длящееся преступление имеет место только во втором случае, когда преступление длится, будучи уже юридически оконченным, что следовало бы отразить в актах официального судебного толкования. Это позволит четко разграничить моменты юридического и фактического окончания длящегося преступления, а также исключить возможность добровольного отказа от доведения длящегося преступления до конца.

Во-вторых, вызывает сомнения целесообразность выделения такого признака, как «сопряженность с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования». Это признак характерен только для преступного бездействия, тогда как длящиеся преступления могут совершаться и путем непрерывно осуществляемых активных действий (например, руководство бандой).

В-третьих, вряд ли возможно считать обязательным признаком длящегося преступления его совершение одним деянием (действием или бездействием). Возможны ситуации, когда длящееся преступление совершается несколькими непрерывно осуществляемыми взаимосвязанными деяниями. Например, лицо

может непрерывно осуществлять два различных преступных деяния – незаконное ношение огнестрельного оружия (действие) и незаконное его хранение (бездействие), – которые последовательно сменяют друг друга.

Рассматривая особенности окончания длящегося преступления, автор обращает внимание, что юридически окончанным оно считается с момента начала совершения соответствующего преступного деяния (например, с момента вступления в ряды незаконного вооруженного формирования или банды). При этом фактически оно оканчивается вследствие двух обстоятельств: действий самого виновного, направленных к прекращению преступления (в частности, явка с повинной, уничтожение или выбрасывание незаконно хранимых предметов, ограниченных в обороте); наступление событий, препятствующих дальнейшему осуществлению преступления, которые не зависят от виновного (например, отпадение обязанности, невыполнение которой составляло содержание длящегося преступления) либо могут быть связаны с его преступными действиями (например, смерть пациента, которому не оказывалась медицинская помощь).

В диссертации отмечается, что задержание виновного нельзя автоматически приравнивать к фактическому окончанию длящегося преступления, поскольку он может непрерывно продолжать длящееся преступное действие (бездействие) не только после задержания, но и после осуждения. Так, например, осуждение лица по ст. 177 УК РФ само по себе не может привести к фактическому окончанию злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, поскольку это преступление непрерывно длится вплоть до того момента, пока виновный не погасит кредиторскую задолженность.

В третьем параграфе второй главы диссертации исследуется **преступление, переросшее из другого преступления**. Указанное преступление является сложным, поскольку совершается несколькими последовательными преступными деяниями, что порождает существенное сходство с множественностью. Предпосылкой для признания рассматриваемого преступления единичным является субъективная связь первоначального и последующего преступных деяний,

закрывающаяся в единстве умысла, который хотя и претерпевает весьма существенные трансформации в процессе преступного поведения, но, тем не менее, остается единым. Иными словами, совершение более тяжкого преступления является результатом не вновь возникшего умысла, а следствием изменения содержания и направленности первоначального умысла.

Исследование преступления, переросшего из другого преступного деяния, позволило прийти к следующим выводам:

- поскольку в основе преступного деяния, переросшего из другого преступления, лежит единство динамично развивающегося умысла, важнейшим признаком этого сложного преступления является умышленный характер как первоначальной, так и последующей криминальной деятельности;

- трансформация умысла возможна до момента фактического завершения первоначального преступного деяния;

- временной разрыв между первоначальным и последующим преступными деяниями отсутствует либо является незначительным;

- перерастание одного преступления в другое возможно при условии единой направленности первоначального и последующего деяний на один предмет, на одного и того же потерпевшего; в отдельных случаях умысел может изменяться не только в плане интенсивности вреда, причиняемого одному потерпевшему, но в направлении возрастания количества потерпевших;

- совершаемые в процессе перерастания преступные деяния посягают на один непосредственный (например, простой грабеж перерастает в грабеж в особо крупном размере) либо видовой (например, побои перерастают в убийство) объект;

- содеянное признается единичным преступлением только в тех случаях, когда менее тяжкое преступное деяние переросло в более тяжкое; при этом формализованными показателями общественной опасности первоначального и последующего деяний, по общему правилу, следует считать санкции соответствующих уголовно-правовых норм. Если же санкции не дают четкого представления о сравнительной тяжести первоначального и последующего преступ-

ных деяний (подобная ситуация, в частности, наблюдается при перерастании угона в кражу транспортного средства), квалификацию необходимо осуществлять с учетом общепринятых представлений об их общественной опасности.

Третья глава диссертации – **«Единичные преступления со сложными составами»** – состоит из трех параграфов. В первом из них рассматривается **преступление с альтернативными признаками состава**. Подобные преступления могут иметь следующие проявления: 1) преступление, состав которого имеет альтернативные признаки предмета или потерпевшего (например, ст.ст. 145¹, 298¹ УК РФ); 2) преступление, состав которого предусматривает альтернативные деяния (действия или акты бездействия (например, ст. 222 УК РФ); 3) преступление, состав которого предусматривает альтернативные последствия (например, ч. 1 ст. 111 УК РФ); 4) преступление, состав которого предусматривает альтернативные факультативные признаки объективной стороны (например, альтернативные способы, орудия, средства совершения преступления); 5) преступление, состав которого предусматривает альтернативные мотивы и (или) цели (например, ст. 295 УК РФ). При этом альтернативность одних признаков состава может сочетаться с альтернативностью других.

При их квалификации следует руководствоваться правилом, согласно которому преступление, содержащее два или более из альтернативно возможных признаков одного состава преступления, не образует совокупности преступных деяний. Указанное правило квалификации применимо и к случаям, когда одно из нескольких совершенных лицом деяний, альтернативно предусмотренных составом, является неоконченным.

Поскольку рассматриваемые сложные преступления признаются единичными именно благодаря законодательному отражению в едином составе, в работе рассмотрен вопрос о функциях, предпосылках и правилах законодательного конструирования составов с альтернативными признаками. Проведенное исследование позволило заключить, что составы преступлений с альтернативными признаками выполняют не только технико-юридические функции (нормативная конкретизация законодательного определения преступлений и экономия

текста уголовного закона), но являются также средством законодательного отграничения сложных единичных преступлений от множественности преступных деяний. Так, предусматривая в одном составе несколько однородных взаимосвязанных альтернативных деяний (например, изготовление, хранение, перевозку в целях сбыта, а равно сбыт поддельных денег или ценных бумаг), законодатель тем самым предписывает квалифицировать их как единичное преступление, вне зависимости от того, сколько именно из них (одно, два, три или все четыре) совершит виновный. Если же законодатель решит предусмотреть все эти взаимосвязанные деяния (либо хотя бы одно из них) в отдельных статьях Особенной части УК РФ, то это создаст предпосылки для появления множественности преступлений.

Конструирование составов преступлений с альтернативными признаками не может осуществляться произвольно; оно целесообразно только в тех случаях, когда посягательство на определенный объект уголовно-правовой охраны совершается:

- посредством воздействия на нескольких потерпевших, обладающих однородными признаками и, как правило, выполняющих однородные функции (например, на участников уголовного судопроизводства в составе преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ), либо имеющих тесную связь между собой (представителя власти или его близких в составе преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ);

- посредством воздействия на предметы, выполняющие сходные функции (например, психоактивные вещества в составе преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ);

- несколькими, как правило, взаимосвязанными деяниями (незаконное приобретение, хранение, перевозка предметов, ограниченных в обороте), существенно не отличающимися по степени общественной опасности;

- несколькими способами, сходными по воздействию на предмет уголовно-правовой охраны или потерпевшего (например, шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной

или иной зависимости потерпевшего в составе преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ);

- посредством причинения нескольких одинаково возможных последствий, сходных по своей общественной опасности (утрата зрения, речи, слуха в составе преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ).

К сожалению, законодатель нередко игнорирует эти правила, регламентируя сходные по степени общественной опасности взаимосвязанные деяния в различных статьях УК РФ, что создает предпосылки для квалификации единичного по своей сути преступления как множественности преступных деяний. Весьма показательной в этом отношении является регламентация уголовной ответственности за насильственные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности, которые, несмотря на их однородность и одинаковую общественную опасность, предусмотрены в двух различных статьях (ст.ст. 131 и 132 УК РФ). Действующее уголовное законодательство демонстрирует также дефекты противоположного характера, когда в один состав преступления в качестве альтернативных включены признаки, значительно отличающиеся с точки зрения общественной опасности и не имеющие взаимосвязи (например, ч. 1 ст. 238 УК РФ). Устранение подобных просчетов позволит добиться оптимального соотношения содержательного и формального критериев единства преступления.

Второй параграф третьей главы диссертации посвящен изучению **составного преступления**. Под составным преступлением в уголовно-правовой литературе принято понимать такое преступление, которое «слагается из двух или нескольких действий, каждое из которых само по себе предусмотрено в качестве самостоятельного преступления» (Кузнецова Н.Ф., Наумов А.В., Малков В.П.). Однако это определение дает лишь общее представление о составном преступлении, не отражая при этом ряда его специфических признаков, в связи с чем нуждается в уточнении. Во-первых, составное преступление может быть совершено не только несколькими преступными деяниями, но и одним преступным деянием (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ). Во-вторых, особенностью состав-

ного преступления является взаимосвязь между несколькими образующими его преступными деяниями либо преступными последствиями, выступающими в качестве результата одного деяния. В-третьих, составным преступлением признается не любая комбинация двух или более взаимосвязанных преступных деяний (либо одного деяния, повлекшего несколько последствий), а только такое их сочетание, которое предусмотрено сложным составом преступления в качестве единичного криминального деликта. Такого рода сложный состав преступления, выступающий в качестве юридической основы составного преступления, предложено называть «собираательным составом».

Сложные собираательные составы, являющиеся юридической основой составных преступлений, весьма неоднородны по своей конструкции, что порождает значительное разнообразие самих составных преступлений. В зависимости от количества деяний, выступающих в качестве элементов составного преступления, следует различать: 1) составное преступление, которое складывается из нескольких преступных деяний (например, п. «в» ч. 2 ст. 127, п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ); 2) составное преступление, совершаемое одним деянием (например, ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123 УК РФ).

В качестве самостоятельного критерия классификации может выступать законодательная конструкция собираательных составов, с учетом которой можно выделить: 1) составное преступление, чей состав объединяет два преступных деяния, одно из которых является способом совершения другого; 2) составное преступление, состав которого предусматривает дополнительные преступные последствия; 3) составное преступление, состав которого предусматривает множественность потерпевших.

Разграничение составных преступлений с совокупностью преступных деяний осуществляется с учетом соизмерения санкции, предусмотренной за составное преступление в целом, с санкциями за преступления, выступающие в качестве его элементов. Если санкция за составное преступление строже санкций за преступления-элементы, содеянное квалифицируется как единичное пре-

ступление. Если же санкция за преступление-элемент больше или равна санкции за составное преступление, необходима совокупная квалификация.

Указанные правила квалификации составных преступлений нашли частичное отражение в уголовном законодательстве (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Однако это не привело к отказу от практики совокупной квалификации убийства, сопряженного с другим преступлением (похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера), основанной на разъяснениях Пленума Верховного Суда. Подобная ситуация представляется неприемлемой, поскольку уголовный закон обладает большей юридической силой, чем постановления Пленума, а значит, сформулированные в них рекомендации по квалификации убийства, сопряженного с другими преступлениями, должны утратить силу.

Серьезные сомнения вызывает обоснованность разъяснения Пленума Верховного Суда, согласно которому нескольких убийств, не имеющих единого умысла и совершенных в разное время, следует квалифицировать как единичное преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Во-первых, это разъяснение искажает сущность составного преступления, поскольку в подобных случаях между двумя или более убийствами отсутствует внутренняя взаимосвязь, которая является обязательным признаком всех единичных преступлений, в том числе и составных. Во-вторых, предложенное Верховным Судом разъяснение вступает в противоречие с другими рекомендациями по квалификации убийства. В частности, оно способно привести к одновременному вменению виновному нескольких мотивов или целей, выступающих в качестве квалифицирующих признаков убийства (например, если первое убийство совершено из корыстных побуждений, второе – с целью скрыть другое преступление), что сам Пленум считает недопустимым. Исходя из этого автор считает необходимым вернуться к первоначальной трактовке п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также предлагает регламентировать в уголовном законе понятие составного преступления, отразив в нем взаимосвязь образующих его преступных деяний.

Далее в работе рассмотрен вопрос о законодательном конструировании собирательных составов, выступающих в качестве юридической основы составных преступлений. Проведенное исследование позволило заключить, что собирательные составы выполняют ряд значимых функций. Они позволяют отразить в уголовном законе тесную взаимосвязь между преступными деяниями, свидетельствующую об их содержательном единстве; упростить процессуальную деятельность органов предварительного расследования и суда; выступают в качестве важного средства дифференциации уголовной ответственности. Впрочем, это не означает, что законодателю следует любой ценой стремиться к расширению числа собирательных составов, поскольку их конструирование оправдано только при условии внутренней взаимосвязи преступных деяний, а также типичности их сочетания в криминальной действительности.

В третьем параграфе третьей главы диссертации исследуется **преступление, состав которого предусматривает повторные действия**. Действующее законодательство дает основания для выделения двух разновидностей указанных преступлений: 1) преступление, состав которого предусматривает повторные преступные действия (например, ст. 117 УК РФ); 2) преступление, состав которого предусматривает повторные действия, не являющиеся преступными: а) преступления с административной преюдицией (например, ст. 151¹ УК РФ); б) преступления, состав которых предусматривает повторение непроступных действий, не связанное с обязательным привлечением лица к административной ответственности (например, ст. 180 УК РФ).

Особенностью первой разновидности рассматриваемых преступлений является обязательное повторение деяний, которые сами по себе содержат признаки менее тяжкого преступления, что порождает проблему отграничения от множественности преступлений. При ее решении необходимо руководствоваться следующим правилом: если диспозиция статьи Особенной части УК РФ предусматривает повторность тождественных преступных действий в качестве конструктивного признака состава преступления, то самостоятельное вменение отдельных тождественных преступных действий не требуется, а содеянное ква-

лифицируется как единичное преступление. Это правило применяется при наличии следующих условий: а) тождественные преступные деяния, повторение которых предусмотрено в качестве признака состава преступления, имеют тесную объективную и субъективную взаимосвязь; б) они совершены в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности; в) ни за одно из преступных деяний лицо не было привлечено к уголовной ответственности.

Рассматривая преступления с административной преюдицией, автор приходит к выводу, что подобная законодательная конструкция страдает целых рядом серьезных недостатков. Во-первых, при ее использовании административное правонарушение получает двойную юридическую оценку и влечет повторную ответственность – вначале за него налагается административное наказание, а затем это же административное правонарушение учитывается в качестве необходимого составного элемента преступления, что идет вразрез с принципом «*non bis in idem*». Во-вторых, институт административной преюдиции размывает границы между преступлением и административным правонарушением, между уголовным и административным правом. В-третьих, использование административной преюдиции подрывает уголовно-процессуальные гарантии, поскольку привлечение к административной ответственности, как правило, осуществляется в несудебном порядке. Наконец, в-четвертых, использование административной преюдиции для криминализации деяний приводит к тому, что в качестве единичного преступления объявляются несколько административных правонарушений, даже не имеющих внутренней связи, что противоречит критериям законодательного конструирования составов единичных преступлений.

Немало сомнений в социально-юридической обусловленности вызывают и составы преступлений, которые предусматривают повторение непроступных действий, не связанное с обязательным привлечением лица к юридической ответственности. Предусмотренные ими повторные тождественные деяния также содержат признаки административных правонарушений, хотя при этом применение административных наказаний за их совершение не требуется. Так, например, вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спирт-

ных напитков, одурманивающих веществ (ст. 151 УК РФ), образуется за счет трехкратного совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ; неоднократно совершенное незаконное усыновление (удочерение) (ст. 154 УК РФ) – это повторение административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.37 КоАП РФ; неоднократно незаконное использование товарного знака (ст. 180 УК РФ) является результатом двукратного повторения административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ. Между тем, повторение административного правонарушения, даже многократное, не способно трансформировать его в преступление, поскольку «между преступлениями и проступками не количественное, а качественное различие» (Н.Ф. Кузнецова). К сожалению, законодатель, признавая повторность административных проступков конструктивным признаком преступлений, игнорирует это аксиоматичное положение, что влечет за собой необоснованную криминализацию деяний, не обладающих той общественной опасностью, которая свойственна преступлениям. Кроме того, подобная законодательная практика позволяет признать единичным преступлением даже такую совокупность административных правонарушений, которая лишена какой-либо объективной и субъективной связи, что противоречит сущности единичного преступления, в основе которой находится именно содержательное единство его элементов. С учетом отмеченных обстоятельств диссертант полагает, что составы преступлений, признаком которых является повторение административных правонарушений без обязательного привлечения лица к административной ответственности, должны быть исключены из действующего уголовного законодательства.

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы, обобщение которых позволило в порядке *de lege ferenda* предложить проект уголовно-правовой нормы, регламентирующей правила отграничения сложных единичных преступлений от множественности преступных деяний.

*«Статья 18¹. Сложные единичные преступления
Не признаются множественностью преступлений:*

а) совершение с единым умыслом и общей целью двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей Особенной части настоящего Кодекса, которые в совокупности образуют единичное продолжаемое преступление;

б) непрерывное осуществление юридически оконченного действия (бездействия), предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, которое образует единичное длящееся преступление;

в) преступление, которое в результате изменения умысла переросло в другое, более общественно опасное умышленное преступление. Содеянное подлежит квалификации по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за более общественно опасное преступление, при условии, что первоначальное и последующее преступные деяния посягают на один предмет и(или) потерпевшего, а также предусмотрены одной главой Особенной части настоящего Кодекса;

г) деяние, содержащее несколько альтернативных признаков одного состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом;

д) совершение двух или более взаимосвязанных преступлений, сочетание которых предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве единичного составного преступления, влекущего более строгое наказание;

е) неоднократное или систематическое совершение деяний, объединенных единым умыслом, если неоднократность или систематичность их совершения предусмотрены статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве обязательного признака состава преступления.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии России:

1. Чикин Д.С. К вопросу о понятии длящегося преступления и моменте его окончания / Д.С. Чикин // Общество и право. – 2010. – № 3. – С. 148-150. (0,3 п.л.).

2. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: проблемы определения / Д.С. Чикин // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 2. – С. 92- 97 (0,3 п.л.).

3. Чикин Д., Коняхин В., Юридическое окончание продолжаемого преступления: проблемы определения / Д.С. Чикин, В.П. Коняхин // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 18-22. (0,4 п.л.).

4. Чикин Д.С. Преступление с административной преюдицией как вид сложного единичного преступления / Д.С. Чикин // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 17-18. (0,3 п.л.).

Статьи в иных изданиях:

5. Чикин Д.С. Квалификация преступления, переросшего из другого преступного деяния // Очерки новейшей камералистики. – 2013 – № 1. – С. 47 - 53 (0,4 п.л.).

6. Чикин Д.С. Понятие сложных единичных преступлений // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 43 - 46(0,25 п.л.).

7. Чикин Д.С, Коняхин В.П., Преступления с альтернативными признаками состава: понятие и внешние формы проявления/ Д.С. Чикин, В.П. Коняхин // Проблемы уголовного права и криминологии: материалы выездного заседания секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных заведений РФ (Н.Новгород, 11-14 сентября 2013 г.) / Отв. ред. Г.О. Петрова. – Н.Новгород, 2013. – С. 15-19. (0,25 п.л.).

8. Чикин Д.С. Законодательное конструирование составов преступлений с альтернативными признаками // Правовая система России: традиции и модернизация: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования юридического факультета КубГУ. Краснодар, 2013 г. С. 155-167. (0,75)